

Л.Н.Толстой

Много ли человеку земли нужно

I

Приехала из города старшая сестра к меньшей в деревню. Старшая за купцом была в городе, а меньшая за мужиком в деревне. Пьют чай сестры, разговаривают. Стала старшая сестра чваниться - свою жизнь в городе выхвалять: как она в городе просторно и чисто живет и ходит, как она детей наряжает, как она сладко ест и пьет и как на катанья, гулянья и в театры ездит.

Обидно стало меньшей сестре, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою крестьянскую возвышать.

- Не променяю я, - говорит, - своего житья на твое. Даром что серо живем, да страху не знаем. Вы и почище живете, да либо много наторгуете, либо вовсе проторгуетесь. И пословица живет: барышу наклад - большой брат. Бывает и то: нынче богат, а завтра под окнами находишься. А наше мужицкое дело вернее: у мужика живот тонок, да долог, богаты не будем, да сыты будем.

Стала старшая сестра говорить:

- Сытость-то какая - со свиньями да с телятами! Ни убранства, ни обращенья! Как ни трудись твой хозяин, как живете в навозе, так и помрете, и детям то же будет.

- А что ж, - говорит меньшая, - наше дело такое. Зато твердо живем, никому не кланяемся, никого не боимся. А вы в городе все в соблазнах живете; нынче хорошо, а завтра подвернется нечистый - глядь, и соблазнит хозяина твоего либо на карты, либо на вино, либо на кралю какую. И пойдет всё прахом. Разве не бывает?

Слушал Пахом - хозяин - на печи, что бабы балакают.

- Правда это, - говорит, - истинная. Как наш брат сызмальства ее, землю-матушку, переворачивает, так дурь-то в голову и не пойдет. Одно горе - земли мало!

А будь земли вволю, так я никого, и самого черта, не боюсь!

Отпили бабы чай, побалакали еще об нарядах, убрали, посуду, легли спать.

А черт за печкой сидел, все слышал. Обрадовался он, что крестьянская жена на похвальбу мужа навела: похваляется, что, была б у него земля, его и черт не возьмет.

"Ладно, думает, поспорим мы с тобой; я тебе земли много дам. Землей тебя и возьму".

II

Жила рядом с мужиками барынька небольшая. Была у нее сто двадцать десятин земли. И жила прежде с мужиками смирно - не обижала. Да нанялся к ней солдат отставной в приказчики и стал донимать мужиков штрафами. Как ни бережется Пахом, а либо лошадь в овсы забежит, либо корова в сад забредет, либо телята в луга уйдут - за все штраф.

Расплачивается Пахом и домашних ругает и бьет. И много греха от этого приказчика принял за лето Пахом. Уж и рад бы, что скотина на двор стала, - хоть и жалко корму, да страху нет.

Прошел зимой слух, что продает барыня землю и что ладит купить ее дворник с большой дороги. Услыхали мужики, ахнули. "Ну, думают, достанется земля дворнику, замучает штрафами хуже барыни. Нам без этой земли жить нельзя, мы все у ней в кругу". Пришли мужика к барыне миром, стали просить, чтоб не продавала дворнику, а им отдала. Обещали дороже заплатить.

Согласилась барыня. Стали мужики ладить миром всю землю купить; сбирались и раз и два на сходки - не сошлось дело. Разбивает их нечистый, никак не могут согласиться... И порешили мужики порознь покупать, сколько кто осилит. Согласилась и на это барыня. Услыхал Пахом, что купил у барыни двадцать десятин сосед и она ему половину денег на года рассрочила. Завидно стало Пахому: "Раскупят, думает, всю землю, останусь я ни при чем". Стал с женой советовать.

- Люди покупают, надо, - говорит, - и нам купить десятин десяток. А то жить нельзя: одолел приказчик штрафами.

Обдумали, как купить. Было у них отложено сто рублей, да жеребенка продали, да пчел половину, да сына заложили в работники, да еще у свояка занял, и набралась половина денег.

Собрал Пахом деньги, облюбывал землю, пятнадцать десятин с лесочком, и пошел к барыне торговаться. Выторговал пятнадцать десятин, ударил по рукам и задаток дал. Поехали в город, купчую закрепили, деньги половину отдал, остальные в два года обязался выплатить.

И стал Пахом с землей. Занял Пахом семян, посеял покупную землю; родилось хорошо. В один год выплатил долг и барыне и свояку. И стал Пахом помещиком: свою землю пахал и сеял, на своей земле сено косил, со своей земли колья рубил и на своей земле скотину кормил. Выедет Пахом на свою вечную землю пахать или придет всходы и луга посмотреть - не нарадуется. И трава-то, ему кажется, растет, и цветы-то цветут на ней совсем иные. Бывало, проезжал по этой земле - земля как земля, а теперь совсем земля особенная стала.

III

Живет так Пахом, радуется. Все бы хорошо, только стали мужики у Пахома хлеб и луга травить. Честью просил, все не унимаются: то пастухи упустят коров в луга, то лошади из ночного на хлеба зайдут. И сгонял Пахом и прощал, все не судился, потом наскучило, стал в волостное жаловаться. И знает, что от тесноты, а не с умыслом делают мужики, а думает: "Нельзя же и спускать, этак они все вытравят. Надо поучить".

Поучил так судом раз, поучил другой, оштрафовали одного, другого. Стали мужики-соседи на Пахома сердце держать; стали другой раз и нарочно травить. Забрался какой-то ночью в лесок, десяток липок на лыки срезал. Проехал по лесу Пахом - глядь, белеется. Подъехал - лутошки брошены лежат, и пенушки торчат. Хоть бы из куста крайние срезал, одну оставил, а то подряд, злодей, все счистил. Обозлился Пахом: "Ах, думает, вызнать бы, кто это сделал; уж я бы ему выместил". Думал, думал, кто: "Больше некому, думает, как Семке". Пошел к Семке на двор искать, ничего не нашел, только поругались. И еще больше уверился Пахом, что Семен сделал. Подал прошение. Вызвали на суд. Судили, судили - оправдали мужика: улики нет. Еще пуще обиделся Пахом; с старшиной и с судьями разругался.

- Вы, - говорит, - воров руку тянете. Кабы сами по правде жили, не оправляли бы воров.

Поссорился Пахом и с судьями и с соседями. Стали ему и красным петухом грозиться. Стало Пахому в земле жить просторней, а в миру теснее.

И прошел в то время слух, что идет народ на новые места. И думает Пахом: "Самому мне от своей земли идти незачем, а вот кабы из наших кто пошли, у нас бы просторнее стало. Я бы их землю на себя взял, себе в круг пригнал; житье бы лучше стало. А то все теснота".

Сидит раз Пахом дома, заходит мужик прохожий. Пустили ночевать мужика, покормили, разговорились - откуда, мол, бог несет? Говорит мужик, что идет снизу,

из-за Волги, там в работе был. Слово за слово, рассказывает мужик, как туда народ селиться идет. Рассказывает, поселились там ихние, приписались в общество, и нарезали им по десять десятин на душу.

А земля такая, - говорит, - что посеяли ржи, так солома - лошади не видать, а густая, что горстей пять - и сноп. Один мужик, - говорит, - совсем бедный, с одними руками пришел, а теперь шесть лошадей, две коровы.

Разгорелось у Пахома сердце. Думает: "Что ж тут в тесноте бедствовать, коли можно хорошо жить. Продам здесь землю и двор; там я на эти деньги выстроюсь и заведение все заведу. А здесь в этой тесноте - грех один. Только самому все путем вызнать надо".

Собрался на лето, пошел. До Самары плыл по Волге вниз на пароходе, потом пеший верст четыреста прошел. Дошел до места. Все так точно. Живут мужики просторно, по десять десятин земли на душу нарезано, и принимают в общество с охотой. А коли кто с денежками, покупай, кроме надельной, в вечную, сколько хочешь, по три рубля самой первой земли; сколько хочешь, купить можно!

Разузнал все Пахом, вернулся к осени домой, стал все распродавать. Продав землю с барышом, продал двор свой, продал скотину всю, выписался из общества, дождался весны и поехал с семьей на новые места.

IV

Приехал Пахом на новые места с семейством, приписался в большое село в общество. Попоил стариков, бумаги все выправил. Приняли Пахома, нарезали ему на пять душ надельной земли пятьдесят десятин в разных полях, кроме выгона. Построился Пахом, скотину завел. Земли у него одной душевой против прежнего втрое стало. И земля хлебородная. Житье против того, что на старине было, вдесятеро лучше. И пахотной земли и кормов вволю. Скотины сколько хочешь держи.

Сначала, покуда строился да заводился, хорошо показалось Пахому, да обжился - и на этой земле тесно показалось. Посеял первый год Пахом пшеницу на душевой - хороша уродилась. Разохотился он пшеницу сеять, а душевой земли мало. И какая есть - не годится. Пшеницу там на ковыльной или залежной земле сеют. Посеют год, два и запускают, пока опять ковылем прорастет. А на такую землю охотников много, на всех и не хватает. Тоже из-за нее споры; побогаче кто - хотят сами сеять, а бедняки отдают купцам за подати. Захотел Пахом побольше посеять. Поехал на другой год к купцу, купил земли на год. Посеял побольше - родилось хоро-. шо; да далеко от села - верст за пятнадцать возить надо. Видит - в округе купцы-мужики хуторами живут, богатеют. "То ли дело, - подумал Пахом, - коли бы тоже в вечность землицы купить да построить хутор. Все бы в кругу было". И стал подумывать Пахом, как бы земли в вечность купить.

Прожил так Пахом три года. Снимал землю, пшеницу сеял. Года вышли хорошие, и пшеница хороша рожалась, и деньги залежные завелись. Жить бы да жить, да скучно показалось Пахому каждый год в людях землю покупать, из-за земли воловодиться: где хорошенькая землица есть, сейчас налетят мужики, всю разберут; не поспел укупить, и не на чем сеять. А то купил на третий год с купцом пополам выгон у мужиков; и вспахали уж, да засудились мужики, так и пропала работа. "Кабы своя земля была, думает, никому бы не кланялся, и греха бы не было".

И стал Пахом разузнавать, где купить земли в веч" ность. И попал на мужика. Были куплены у мужика пятьсот десятин, да разорился он и продает задешево. Стал Пахом ладить с ним. Толковал, толковал - сладился за тысячу пятьсот рублей, - половину денег обождать. Совсем уж было поладили, да заезжает раз к Пахому купец проезжий на двор покормить. Попили чайку, поговорили.

Рассказывает купец, что едет он из дальних башкир. Там, рассказывает, купил у башкирцев земли тысяч пять десятин. И стало всего тысяча рублей. Стал расспрашивать Пахом. Рассказал купец.

- Только, - говорит, - стариков ублаготворил. Халатов, ковров раздарил рублей на сто, да цибики чаю, да попоил винцом, кто пьет. И по двадцать копеек за десятину взял. - Показывает купчую. - Земля, - говорит, - по речке, и степь вся ковыльная.

Стал расспрашивать Пахом, как и что.

- Земли, - говорит купец, - там не обойдешь и в год: все башкирская. А народ несмышленый, как бараны. Можно почти даром взять.

"Ну, - думает Пахом, - что ж мне за мои тысячу рублей пятьсот десятин да еще долг на шею забрать. А тут я за тысячу рублей чем завладаю!"

V

Расспросил Пахом, как проехать, и только проводил купца, собрался сам ехать. Оставил дом на жену, сам собрался с работником, поехал. Заехали в город, купили чаю цибики, подарков, вина - все, как купец сказал. Ехали, ехали, верст пятьсот отъехали. На седьмые сутки приехали на башкирскую кочевку. Все так, как купец говорил. Живут все в степи, над речкой в кибитках войлочных. Сами не пашут и хлеба не едят. А в степи скотина ходит и лошади косяками. За кибитками жеребята привязаны, и к ним два раза в день маток пригоняют; кобылье молоко доят и из него кумыс делают. Бабы кумыс болтают и сыр делают, а мужики только и знают - кумыс и чай пьют, баранину едят да на дудках играют. Гладкие все, веселые, все лето празднуют. Народ совсем темный, и по-русски не знают, а ласковый.

Только увидели Пахома, повышли из Кибиток башкирцы, обступили гостя. Нашелся переводчик. Сказал ему Пахом, что он об земле приехал. Обрадовались башкирцы, подхватили Пахома, свели его в кибитку хорошую, посадили на ковры, подложили под него подушек пуховых, сели кругом, стали угощать чаем, кумысом. Барана зарезали и бараниной накормили. Достал Пахом из тарантаса подарки, стал башкирцам раздавать. Одарил Пахом башкирцев подарками и чай разделил. Обрадовались башкирцы. Лопотали, лопотали промеж себя, потом велели переводчику говорить.

- Велят тебе сказать, - говорит переводчик, - что они полюбили тебя и что у нас обычай такой - гостю всякое удовольствие делать и за подарки отдаривать. Ты нас одарил; теперь скажи, что тебе из нашего полюбится, чтоб тебя отдарить?

- Полюбилась мне, - говорит Пахом, - больше всего у вас земля. У нас, - говорит, - в земле теснота, да и земля выпаханная, а у вас земли много и земля хороша. Я такой и не видывал.

Передал переводчик. Поговорили, поговорили башкирцы. Не понимает Пахом, что они говорят, а видит, что веселы, кричат что-то, смеются. Затихли потом, смотрят на Пахома, а переводчик говорит:

- Велят, - говорит, - они тебе сказать, что за твое добро рады тебе сколько хочешь земли отдать. Только рукой покажи какую - твоя будет.

Поговорили они еще и что-то спорить стали. И спросил Пахом, о чем спорят. И сказал переводчик:

- Говорят одни, что надо об земле старшину спросить, а без него нельзя. А другие говорят, и без него можно.

VI

Спорят башкирцы, вдруг идет человек в шапке лисьей. Замолчали все и встали. И говорит переводчик:

- Это старшина самый.

Сейчас достал Пахом лучший халат и поднес старшине и еще чаю пять фунтов. Принял старшина и сел на первое место. И сейчас стали говорить ему что-то башкирцы. Слушал, слушал старшина, кивнул головой, чтоб они замолчали, и стал говорить Пахому по-русски.

- Что ж, - говорит, - можно. Бери, где полюбится. Земли много.

"Как же я возьму, сколько хочу, - думает Пахом. - Надо же как ни есть закрепить. А то скажут твоя, а потом отнимут".

- Благодарим вас, - говорит, - на добром слове. Земли ведь у вас много, а мне немножко надо. Только бы мне знать, какая моя будет. Уж как-нибудь все-таки отмерять да закрепить за мной надо. А то в смерти-животе бог волен. Вы, добрые люди, даете, а придется - дети ваши отнимут.

- Правда твоя, - говорит старшина, - закрепить можно.

Стал Пахом говорить:

- Я вот слышал, у вас купец был. Вы ему тоже землицы подарили и купчую сделали; так и мне бы тоже.

Все понял старшина.

- Это все можно, - говорит. - У нас и писарь есть, и в город поедем, и все печати приложим.

- А цена какая будет? - говорит Пахом.

- Цена у нас одна: тысяча рублей за день. Не понял Пахом.

- Какая же это мера - день? Сколько в ней десятин будет?

- Мы этого, - говорит, - не умеем считать. А мы за день продаем; сколько обойдешь в день, то и твое, а цена дню тысяча рублей.

Удивился Пахом.

- Да ведь это, - говорит, - в день обойти, земли много будет.

Засмеялся старшина.

- Вся твоя! - говорит. - Только один уговор: если назад не придешь в день к тому месту, с какого возьмешься, пропали твои деньги,

- А как же, - говорит Пахом, - отметить, где я пройду?

- А мы станем на место, где ты облюбуеть, мы стоять будем, а ты иди, делай круг; а с собой скрепку возьми и, где надобно, замечай, на углах ямки рой, дернички клади, потом с ямки на ямку плугом проедем. Какой хочешь круг забирай, только до захода солнца приходи к тому месту, с какого взялся. Что обойдешь, все твое.

Обрадовался Пахом. Порешили на ране выезжать. Потолковали, попили еще кумысу, баранины поели, еще чаю напились; стало дело к ночи. Уложили Пахома спать на пуховике, и разошлись башкирцы. Обещались завтра на зорьке собраться, до солнца на место выехать.

VII

Лег Пахом на пуховики, и не спится ему, все про землю думает. "Отхвачу, думает, Палестину большую. Верст пятьдесят обойду в день-то. День-то нынче что год; в пятидесяти верстах земли-то что будет. Какую похуже - продам или мужиков пуцу, а любенькую отберу, сам на ней сяду. Плуга два быков заведу, человека два работников принайму; десятинок полсотник пахать буду, а на остальной скотину нагуливать стану".

Не заснул всю ночь Пахом. Перед зарей только забылся. Только забылся - и видит он сон. Видит он, что лежит будто он в этой самой кибитке и слышит - наружу гогочет кто-то. И будто захотелось ему посмотреть, кто такой смеется, и встал он, вышел из кибитки и видит - сидит тот самый старшина башкирский перед кибиткой, за живот ухватился обеими руками, закатывается, гогочет на что-то. Подошел он и спросил:

"Чему смеешься?" И видит он, будто это не старшина башкирский, а купец намеднишний, что к ним заезжал, об земле рассказывал. И только спросил у купца: "Ты давно ли тут?" - а это уж и не купец, а тот самый мужик, что на старине снизу заходил. И видит Пахом, что будто и не мужик это, а сам дьявол, с рогами и с копытами, сидит, хохочет, а перед ним лежит человек босиком, в рубахе и портках. И будто поглядел Пахом пристальней, что за человек такой? И видит, что человек мертвый и что это - он сам. Ужаснулся Пахом и проснулся. Проснулся. "Чего не приснится", - думает. Огляделся; видит в открытую дверь - уж бело становится, светать начинает. "Надо, думает, будить народ, пора ехать". Поднялся Пахом, разбудил работника в тарантасе, велел запрягать и пошел башкирцев будить.

- Пора, - говорит, - на степь ехать, отмерять. Повставали башкирцы, собрались все, и старшина пришел. Зачали башкирцы опять кумыс пить, хотели Пахома угостить чаем, да не стал он дожидаться...

- Коли ехать, так ехать, - говорит, - пора.

VIII

Собрались башкирцы, сели - кто верхами, кто в тарантасы, поехали. А Пахом с работником на своем тарантасике поехали и с собой скребку взяли. Приехали в степь, заря занимается. Въехали на бугорок, по-башкирски - на шихан. Вылезли из тарантасов, сплезали с лошадей, сошлись в кучку. Подошел старшина к Пахому, показал рукой.

- Вот, - говорит, - вся наша, что глазом окинешь. Выбирай любую.

Разгорелись глаза у Пахома: земля вся ковыльная, ровная как ладонь, черная как мак, а где лощинка - так разнотравье, трава по груди.

Снял старшина шапку лисью, поставил на землю.

- Вот, - говорит, - метка будет. Отсюда пойдешь, сюда приходи. Что обойдешь, все твое будет.

Вынул Пахом деньги, положил на шапку, снял кафтан, в одной поддевке остался, перепоясался потуже под брюхо кушаком, подтянулся, сумочку с хлебом за пазуху положил, баклажку с водой к кушаку привязал, подтянул голенища, взял скребку у работника, собрался идти. Думал, думал, в какую сторону взять, - везде хорошо. Думает: "Все одно: пойду на восход солнца". Стал лицом к солнцу, размялся, ждет, чтобы показалось оно из-за края. Думает: "Ничего времени припускать не стану. Холодком идти легче". Только брызнуло из-за края солнце, вскинул Пахом скребку на плечо и пошел в степь.

Пошел Пахом ни тихо, ни скоро. Отошел с версту; остановился, вырыл ямку и дернички друг на дружку положил, чтоб приметней было. Пошел дальше. Стал разминаться, стал и шагу прибавлять. Отошел еще, вырыл еще другую ямку.

Оглянулся Пахом. На солнце хорошо видно шихан, и народ стоит, и у тарантасов на колесах шины блестят. Угадывает Пахом, что верст пять прошел. Согреваться стал, снял поддевку, вскинул на плечо, пошел дальше. Отошел еще верст пять. Тепло стало. Взглянул на солнышко - уже время об завтраке.

"Одна упряжка прошла, - думает Пахом. - А их четыре в дню, рано еще заворачивать, дай только разуюсь". Присел, разулся, сапоги за пояс, пошел дальше. Легко идти стало. Думает: "Дай пройду еще верст пяток, тогда влево погибать стану. Место-то хорошо очень, кидать жалко. Что дальше, то лучше". Пошел еще напрямик. Оглянулся - шихан уж чуть видно, и народ, как мураши, на нем чернеется, и чуть блестит что-то.

"Ну, - думает Пахом, - в эту сторону довольно забрал; надо погибать. Да и разопрел - пить хочется". Остановился, вырыл ямку побольше, положил дернички, отвязал

баклажу, напился и загнул круто влево. Шел он, шел, трава пришла высокая, и жарко стало.

Стал Пахом уставать; поглядел он на солнышко, видит - самый обед. "Ну, думает, отдохнуть надо". Остановился Пахом, присел. Поел хлебца с водой, а ложиться не стал: думает - ляжешь, да и заснешь. Посидел немного, пошел дальше. Сначала легко пошел. От еды силы прибавилось. Да уж жарко очень стало, да и сон клонить стал; однако все идет, думает - час терпеть, а век жить.

Прошел еще и по этой стороне много, хотел уж загигать влево, да глядь - лощинка подошла сырая; жаль бросать. Думает: "Лен тут хорош уродится". Опять пошел прямо. Захватил лощину, выкопал ямку за лощиной, загнул второй угол. Оглянулся Пахом на шихан: от тепла затуманилось, качается что-то в воздухе и сквозь мару чуть виднеются люди на шихане - верст пятнадцать до них будет. "Ну, - думает Пахом, - длинны стороны взял, надо эту покорооче взять". Пошел третью сторону, стал шагу прибавлять. Посмотрел на солнце - уж оно к полднику подходит, а по третьей стороне всего версты две прошел. И до места все те же верст пятнадцать. "Нет, думает, хоть кривая дача будет, а надо прямиком поспевать. Не забрать бы лишнего. А земли и так уж много". Вырыл Пахом поскорее ямку и повернул прямиком к шихану.

IX

Идет Пахом прямо на шихан, и тяжело уж ему стало. Разопрел и ноги босиком изрезал и отбил, да и подкашиваться стали. Отдохнуть хочется, а нельзя - не успеешь дойти до заката. Солнце не ждет, все спускается да спускается. "Ах, думает, не ошибся ли, не много ли забрал? Что, как не успеешь?" Взглянет вперед на шихан, взглянет на солнце: до места далеко, а солнце уж недалеко от края.

Идет так Пахом, трудно ему, а все прибавляет да прибавляет шагу. Шел, шел - все еще далеко; побежал рысью. Бросил поддевку, сапоги, баклажку, шапку бросил, только скребку держит, ей попирается. "Ах, думает, позарился я, все дело погубил, не добегу до заката". И еще хуже ему от страха дух захватывает. Бежит Пахом, рубаха и портки от пота к телу липнут, во рту пересохло. В груди как мехи кузнечные раздуваются, а в сердце молотком бьет, и ноги как не свои - подламываются. Жутко стало Пахому, думает: "Как бы не помереть с натуги".

Помереть боится, а остановиться не может. "Сколько, думает, пробежал, а теперь остановиться - дураком назовут". Бежал, бежал, подбегает уж близко и слышит: визжат, гайкают на него башкирцы, и от крика ихнего у него еще пуще сердце разгорается. Бежит Пахом из последних сил, а солнце уж к краю подходит, в туман зашло; большое, красное, кровавое стало. Вот-вот закатываться станет. Солнце близко, да и до места уж вовсе не далеко. Видит уж Пахом, и народ на шихане на него руками махает, его подгоняют. Видит шапку лисью на земле и деньги на ней видит; видит и старшину, как он на земле сидит, руками за пузо держится. И вспомнился Пахому сон. "Земли, думает, много, да приведет ли бог на ней жить. Ох, погубил я себя, думает, не добегу".

Взглянул Пахом на солнце, а оно до земли дошло, уж краешком заходить стало и дугой к краю вырезалось. Наддал из последних сил Пахом, навалился наперед телом, насилу ноги поспевают подставляться, чтоб не упасть. Подбежал Пахом, к шихану, вдруг темно стало. Оглянулся - уж зашло солнце. Ахнул Пахом. "Пропали, думает, мои труды". Хотел уж остановиться, да слышит, гайкают всё башкирцы, и вспомнил он, что снизу ему кажется, что зашло, а с шихана не зашло еще солнце. Надулся Пахом, взбежал на шихан. На шихане еще светло. Взбежал Пахом, видит - шапка. Перед шапкой сидит старшина, гогочет, руками за пузо держится. Вспомнил Пахом сон, ахнул, подкосились ноги, и упал он наперед, руками до шапки достал.

- Ай, молодец! - закричал старшина. - Много земли завладел!

Подбежал работник Пахомов, хотел поднять его, а у него изо рта кровь течет, и он мертвый лежит.

Пощелкали языками башкиры, пожалели.

Поднял работник скребу, выкопал Пахому могилу, ровно насколько он от ног до головы захватил - три аршина, и закопал его.